

Вопросы философии. 2016. № 10. С. 109–120

Дискретное и континуальное: переключки поэзии и науки в культурном контексте*

В.В. Аристов

В статье сопоставляются различные подходы к определению значимых дискретных элементов стихотворного изображения, которые, в свою очередь, можно соотнести с развитием дискретных и континуальных подходов XX и нынешнего века в науке, искусстве, социальных движениях. Среди них комплекс методов и идей в области физической атомистики, например, квантование энергии, в математике – аритмология, в социальных науках – новые представления о значимости личности. Рассматривается соотношение теорий “разрывных”, “революционных” процессов с понятиями неразрывности, континуальности, “эволюционности”. Приводятся примеры скрытого или явного выражения соответствующих идей в поэзии и поэтике Андрея Белого, Хлебникова, Маяковского, Пастернака. Автор пытается выявить способы, которыми поэзия как бы предопределяла и оформляла, насколько это возможно, будущие пути развития мысли и миропонимания. Намечаются некоторые современные авангардные тенденции в поэзии, новые определения метафоры соотносятся с поиском понятий на границах “монады” и “атома”, ставится вопрос о возможной модели монады с “открытыми окнами”.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэзия, дискретность, континуум, атом, монада, континуализм, монада с “открытыми окнами”, *Idem-forma*.

АРИСТОВ Владимир Владимирович – доктор физико-математических наук, зав. сектором Вычислительного центра им. А.А. Дородницына РАН, профессор кафедры высшей математики МИРЭА, профессор кафедры интеллектуальных систем Московского физико-технического института.

Цитирование: *Аристов В.В.* Дискретное и континуальное: переключки поэзии и науки в культурном контексте // *Вопросы философии. 2016. № 10. С. 109–120.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 13-03-00547, “Атомизм и мировая культура”. The project is supported by RFN, grant No 13-03-00547, “Atomism and World Culture”.

© Аристов В.В., 2016 г.

Discreteness and Continuity: a Dialogue between Poetry and Science in the Cultural Context

Vladimir Aristov

Different approaches in determining significant discrete elements in a poetic image are compared, which can be correlated with the expression of important ideas of XXth and XXIst centuries in science, art and social movements. Factors that play a role are as follows: physical atomism including quantization of energy, arhythmology in mathematics, and new notions concerning the importance of the person's identity. The author examines the relations between the processes of "rupture", or "revolutionary" processes, with the concept of continuity and the concept of evolution. Examples of appropriate manifestations, explicit or implicit, through poetry and poetics by Andrei Bely, Velimir Khlebnikov, Vladimir Mayakovsky, Boris Pasternak are examined. The focus is on the connection of theoretical and philosophical problems with poetry, the latter being a major factor for the development of future thought. We consider some trends of contemporary poetic avant-garde; a search for new metaphors and concepts on the boundaries between the notion of monad and the notion of atom. A hypothetical model of a monad with "open windows" is also discussed.

KEY WORDS: poetry, discreteness, continuum, atom, monad, continualism, monad with "open windows", Idem-forma.

ARISTOV Vladimir V. – DSc in Physics and Mathematics, Professor, Head of Subdivision, Dorodnicyn Computing Centre RAS.
aristovvl@yandex.ru

Citation: *Aristov V.V. Discreteness and Continuity: a Dialogue between Poetry and Science in the Cultural Context // Voprosy Filosofii. 2016. Vol. 10. P. 109–120.*

Дискретное и континуальное: перекличка поэзии и науки в культурном контексте

В.В. АРИСТОВ

Дискуссия по проблеме взаимоотношения дискретности и непрерывности, которую ведут участники проекта “Атомизм и мировая культура”, представляется особо плодотворной для междисциплинарных исследований. В основе ее лежит “гипотеза ИКЛ” (Иванов – Кобзев – Лысенко) о лингвистических корнях атомистики и дискретно-континуальных концептуализаций вообще, см.: [Иванов 1978; Кобзев 2011; Лысенко 1998; Лысенко 2011; Lysenko, Kobzev 2014]. Авторы, изначально независимо друг от друга, предположили, что идеи атомарности зародились в культурах с индоевропейской структурой языка, при этом А.И. Кобзев связывает их с алфавитной системой письма (древняя Греция), а В.Г. Лысенко с выделением далее неделимых сегментов потока речи в устной традиции (древняя Индия). Авторы отмечают, что в обществах с иероглифической письменностью такие идеи не появлялись или имели другой смысл. Данный подход, который позволяет установить соответствия между культурологическими и конкретно-научными понятиями, также дает возможность связать категории из гуманитарных и естественнонаучных областей знания. Могут быть поставлены и новые философские вопросы, ведь модели атома и монады при сопоставлении открывают не только собственные свойства, но и позволяют выразить и отношения другого, более общего порядка.

В настоящей работе возможности стихотворной выразительности исследуются в свете оппозиции понятий непрерывное – дискретное и с привлечением атомистики как распространенной научной теории, ставшей моделью для других областей знания и элементом культурного фона (который соседствует с некой “атом-мистикой”, но также и противостоит ей).

Важным элементом дискурса в этих областях знания было не только понятие атома, но и понятие монады. Эти категории в начале XX в. приобрели новые смыслы и требовали – явно или неявно – нового определения. Атомистика из отвлеченной идеи становилась реальностью, гипотеза об атомарном строении вещества на глазах превращалась в обоснованную теорию. На основе атомов как реальных простейших частей вещества можно было описывать и конструировать материальные объекты. Во многих отношениях аналогичные процессы обозначались и в социуме. Здесь масса и толпа, понимаемые как состоящие из “атомов-индивидов” с простыми свойствами, стали рабочими понятиями. Но при этом почти сразу обнаружилась “непрочность” таких атомов, они оказались “делимыми”: радиоактивность в физике и другие явления показывали это с очевидностью. Тем самым наметился переход от некоторой “точечной” категории, которой представлялся классический атом, к новому понятию, где предельное требовало проникновения в более глубокую структуру, контуры которой только-только начинали определяться. Категория монады, как мне представляется, намечает путь к этому во многом новому объяснению взаимодействия различных первоэлементов мира. Именно в таком смысле можно понимать идею Николая Бугаева о новой монадологии (она не была воспринята современниками), в которой “окна монады” способны приоткрываться. В новой монадологии произошло сближение понятий атома и монады, между ними, представляющими физические и метафизические предельные сущности (“материальной” и “духовной” природы), наметилась возможная связь. Разработке свойств новых гипотетических понятий, реализующих такую связь, как представляется, посвятили свои усилия некоторые философы, и стихотворцы, хотя они и не ставили перед собой такой отчетливой задачи. В качестве метафоры можно предложить ис-

пользовать некую терминологическую конструкцию, которая, как нам кажется, передает отмеченную тенденцию к сближению при дифференциации свойств указанных понятий: “монадо-атом”. В этой метафоре намечены подходы к тем сложным моделям, в которых физика и метафизика тоже как бы приоткрываются друг другу. Причем, как представляется, то, что выступало в качестве прообраза в начале XX в., сейчас может стать новым и реальным теоретическим инструментом. Представляется, что скрытый процесс взаимопроникновения предельно отвлеченных понятий (таких как монада) и понятий, вышедших из тени физической гипотезы (таких как атом), продолжался неявно на протяжении всего XX в. и продолжается сейчас. Можно только предполагать, насколько взаимодействие абстрактно-философского и реально-физического в некоем общем смысловом поле окажется плодотворным.

Для начала необходимо обратиться к исторической перспективе, поскольку в различные периоды XX в. в литературе и, в частности, в поэзии эти понятия играли большую роль, хотя это не всегда проявлялось явно. Связь с исторической традицией, разумеется, в поисках возможностей ее развития, будет рассматриваться в настоящей статье и на примерах современной поэтики, в которой новые определения подчас формулируются на чисто интуитивной основе, а их поиск осуществляется “практически”, поэтому происходящие процессы могут показаться противоречивыми. Именно для лучшего их понимания и ориентации в них представляется важным осознать как возможную переключку, так и существенные отличия представлений об атомистике, лейбницианстве и др., свойственных, с одной стороны, началу XX в., а с другой – началу XXI в.

На рубеже XIX и XX вв. в науке, в искусстве, а также в социуме происходили революционные процессы. Тенденции к выявлению отдельных значимых элементов в различных областях науки, культуры, философии и понимании общества и индивида влияли и на “коллективные процессы”: статистическая физика, “восстание масс” и т.д. (Определение индивидуума вело в дальнейшем к экзистенциализму, персонализму и другим теоретическим и литературным представлениям, например, у Мунье, Хайдеггера, Сартра, Камю и др.) Непрерывность, плавное течение жизни, казалось, были нарушены, происходили “надрывы”, “разрывы” в эволюционном развитии общества.

В связи с этими явлениями интересны фигуры отца и сына Бугаевых, Николая и Бориса (поэта Андрея Белого). Математик Николай Бугаев разрабатывал “разрывную математику”, аритмологию, которая, по его мнению, была способна предложить более общий теоретический аппарат по сравнению с непрерывной математикой XIX в. В области метафизики он был продолжателем идей Лейбница, см., например, [Иванов 2015; Половинкин 2005]. Андрей Белый наследовал интерес отца, но распространил его на многие области искусства, поэтики, эстетики и вообще философии. Его устремленность к формулированию и исследованию новых теоретических идей поражает. Вместе с некоторыми другими мыслителями и поэтами он пытался выделить значимые элементы в поэтическом выражении. Более того, в согласии с исследовательской программой физики того времени, он стремился проникнуть глубже, обнаруживая внутреннюю структуру таких “атомов”. Он искал их в различных формах стихотворной выразительности, в том числе в поэтическом, музыкальном звуке. Собственно, представление о значимом соотношении метра и ритма, которое он ввел в стиховедение, было и внедрением – явным или неявным – нового способа структурирования, выявления значимых единиц поэтической экспрессии там, где царила плавность и непрерывность, основанная на предшествующих представлениях.

Позже в поэме “Первое свидание” он так описывает состояние умов конца XIX в. и начала XX в.:

...И что огромные миры
В атомных силах не утихли,
Что мысль, как динамит, летит
Смелей, прикидчивей и прытче,
Что опыт – новый...

– “Мир – взлетит!” –
Сказал, взрываясь, Фридрих Нитче...

Мир – рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой...
... Стихия жизни оплеснула:
Из летаргического сна
В разрыв трагической культуры,
Где бездна гибельна (без дна!)

Здесь каждая строка – свидетельство “неслыханных перемен, невиданных мятежей” (по словам его друга поэта Александра Блока). Принципиальные изменения в науке, в философии, в искусстве, в обществе оказывались неразрывно связанными с новыми представлениями – казалось бы, отвлеченными – о разрывности и атомизме. Поэтическое и научное, идеальное и материальное резонируют друг с другом. Идея атомарности материи, утвердившаяся в физике вместе с обнаружением принципиальной возможности физического “деления” таких “неделимых элементов”, и представление о предельном одиночестве человека, который пытается перерастить мир, уничтожив Бога, и способен уничтожить мир людей, не так далеки друг от друга, как это могло бы показаться на первый взгляд.

Характерно, что строки Андрея Белого перекликаются со словами из нобелевской речи Пьера Кюри, в которой ученый предупреждал о возможных разрушительных последствиях его открытия, если оно попадет в руки безответственных людей. Возможно, Андрей Белый первым (или одним из первых) использовал термин “атомная бомба”. Несомненно, что катастрофичность “открытия атома” для него, да и для других прозорливых мыслителей, была ясна. Но в этом виделась и потенция взрывного раскрытия индивидуальности. Потому и “взрывается” Фридрих Ницше из его поэмы – сверхиндивидуальное, сверхчеловеческое грозит высвобождением скрытых сил человеческого атома и может стать разрушительной силой.

Приведем некоторые цитаты из работы Николая Бугаева [Бугаев 1905, 351–357], в которой он явно выходит за пределы узко математических вопросов:

Рядом с анализом воздвигается мало-помалу другое грандиозное здание чистой математики – это теория прерывных функций, или *аритмология*. Выдвинувшись под скромным названием теории чисел, она постепенно вступает в новую фазу своего развития. <...> Истины анализа (с ним связано понятие дифференциального исчисления. – В.А.) отличаются общностью и универсальностью. Истины аритмологии носят на себе черты своеобразной индивидуальности, привлекают к себе своей таинственностью и красотой. <...> Каждое сложное химическое соединение есть отдельный самостоятельный индивидуум. Атомистические теории химии ясно указывают на индивидуальные особенности в строении вещества. <...> Прерывность всегда обнаруживается там, где появляется самостоятельная индивидуальность. <...> Музыкальное чередование звуков имеет вполне аритмологический характер. В биологии клеточное строение органических тел указывает на важную роль биологических индивидуумов в явлениях жизни. Явления сознания также представляют много сторон, не подчиняющихся аналитическому взгляду на природу. В социологии человек есть самостоятельный социальный элемент, и непрерывность неприменима к объяснению многих общественных явлений.

С аритмологией связаны и представления Бугаева об “эволюционной монадологии”. Он утверждал: “Монада есть живая единица... она жива в том смысле, что обладает потенциальным психическим содержанием” [Бугаев 1893, 27]. Отметим, что у Бугаева монады (в отличие от Лейбница) способны вступать во взаимные отношения.

В статье “Символизм как миропонимание” А. Белый развивает аритмологические идеи отца, говоря о необходимости вводить понятия прерывности в трактовку понятия символа: “Если символ – окно в вечность, то система символов не может казаться непрерывной, как система догматизма и критицизма, где все связано логической формой. Это ряд прерывных образов, раскрывающих разные стороны единого” [Белый 1994, 162]. Заметим, что богослов и философ Павел Флоренский, находившийся под влиянием идей Николая Бугаева, и сам внес вклад в трактовку аритмологии, используя достижения математической теории множеств. Флоренский также писал, что “мир надтреснут” [Флоренский 1914, 157], и это близко по смыслу к восприятию сути того времени его знакомым, Бугаевым-младшим.

Особо стоит отметить влияние на умы мыслителей идей Бергсона, который, хотя определенным образом и развивал господствовавшие тогда представления о непрерывности, “эволюционности”, тоже, на наш взгляд, выходил на проблематику атомарности и монадности. Он говорил о непрерывности времени, о необходимости отойти от пространственного понимания моментов времени, то есть от определенной его пространственной “дискретизации”, и о выявлении своеобразной “единицы” переживания времени через понятие длительности (*durée*). Именно это предельное понятие соотносимо, по нашему мнению, с лейбницевской монадой-дифференциалом (сам Лейбниц называл бесконечно малые количества “полезной фикцией”). Сравнительно новая бергсоновская идея перекликалась с устремлениями искусства модерна к “непрерывности”, хотя при этом и соседствовала с несомненным выдвиганием на авансцену атомистических, квантовых идей через тяготение к выделению элементарной “длительности”.

Представление о “делимости”, о сложной структуре атома (можно, по-видимому, даже говорить о проникновении вглубь физической “монады”) тогда буквально витало в воздухе и легко облекалось в поэтические формы. Приведем известные строки Брюсова из стихотворения “Мир электрона”: “Еще, быть может, каждый атом – Вселенная, где сто планет...”. Отметим также, что в черновиках к “Разговору о Данте” Мандельштам оставил знаменательную фразу: “Дант может быть понят лишь при помощи теории квант”. Сама зарифмованность имени Данте с названием мельчайших “энергетических сгустков” намекает и на возможности нового восприятия поэзии и поэтики.

Тонкое понимание “монадо-атомистической” проблемы нашло выражение в лингвистическом и естественнонаучном подходах в “Глоссолалии” Белого, а также в работах Хлебникова – оба были и поэтами и теоретиками, которые даже в букве, звуке, фонеме стремились увидеть разворачивающиеся поэтические образы.

Замечательную “поэму о звуке” – “Глоссолалию” Андрея Белого можно понять в теоретическом плане как “Schöpfung”, сотворение мира из элементов – “звуковых атомов”, фонем. Именно последним придавалось решающее значение в установлении соответствия мира стихий и мира человеческого: “В начале поэтического слова был порождающий поэтический атом-звук”. Белый создавал “Глоссолалию”, стремясь “заглянуть” вглубь отдельных букв-звуков, представляющих собой в традиционном понимании принципиально неделимые единицы, из которых можно “складывать” (“слагать”), но которые нельзя “расщепить”, разделить, поскольку они не обладают внутренней структурой (хотя Рембо в “Гласных” говорил о субъективной “окрашенности” отдельных букв, гласных звуков). Это перекликается и с пониманием Белым разделения атома (атомного ядра) как физической единицы. В “Глоссолалии” говорится:

На Земле: – звук “а” – белый, летящий открыто; многообразия раскрытия рук выражают его... <...>

Звук “е” – желтозелень: звук частных “а”, это – мысли: все зоркости, все трезвости, все сомнения мысли... <...>

Звуки “у” – теплота, уголь, узость, глубинности, коридоры горгани, темноты, падение во мраки, пожары пурпурности, воли, усилия и муки родов... <...>

“М” – жидкое, теплое, что присуще животным: живая вода, изливающая в нас, или – кровь... [Белый 2002, 95–101].

И продолжал:

...звук “эль”: язык поднят; поверхность касается неба; ударом о небо струя переломлена; падает вниз; и, отражаясь, вторично подымется и – наклоняясь, я опускаю вниз руки; их вновь поднимаю... [Белый 2002, 115].

В “поэтико-научных” попытках Хлебникова неявно просматривается целая программа придания отдельным буквам пиктографичности, сложной значимости, почти иероглифичности (возможно, здесь скрыт в свернутом виде определенный процесс). Теория Хлебникова состоит в придании значимости отдельным согласным в системе стихотворного произведения. Хлебников писал:

Задача художников краски дать основным единицам разума начертательные знаки. <...> Пока не доказывая, я утверждаю, что: 1) *B* на всех языках значит вращение одной точки кругом другой или по целому кругу или по части его, дуге вверх и вниз. <...> 4) Что *M* значит распад некоторой величины на бесконечно малые, в пределе, части, равные в целом первой величине. <...> 8) Что *L* значит распространение наиболее низких волн на наиболее широкую поверхность, поперечную движущейся точке... [Хлебников 1986, 243].

Хлебников пытается вычленил из непрерывного потока поэтической речи нерушимые первоэлементы, которые, хотя и изменяют некоторые свои свойства в соединениях, все же инвариантны в экспрессивных внутренних движениях (особенно интересна структура “*M*”). Название его поэмы “Тиран без Тэ” (вариант названия “Труба Гуль-муллы”) подразумевает Иран, в нем Хлебников побывал в 1921 г. Здесь буква Тэ для него означает остановку, “уничтожение луча жизни”¹.

Но не только собственно поэтические и метафизико-поэтические проекты были связаны с обсуждаемыми проблемами. Поэтами ставились фактически и некоторые социальные вопросы, в частности, вопрос о соотношении индивидуального и общественного. Прибегая и к поэтическим образам, поэты фактически говорили о двух социальных проектах – социально-тоталитарном и индивидуалистическом. Например, в следующих строках Маяковского и Пастернака соответственно: “Каплей льешься с массами” (поэма “Хорошо”) и “С астмой в каждом атоме” (из стихотворения “Конец”, завершающего книгу “Сестра моя – жизнь”) можно увидеть выражение двух этих двух, одинаково утопических проектов. Стремление к “сверхиндивидуальному”, характерное для начала XX в., проявилось в “богоборческих” мотивах раннего Маяковского (его произведения “Я”, “Человек”). Все это тоже подводило к своего рода общественно-поэтическим утопиям. Обращение к предельно-чувствительному “своему я” сопрягалось у поэта в дальнейшем с социальным манифестом исчезновения отдельной судьбы в “массивном атоме” общества. Что при всей несомненной жертвенности несло угрозу потери индивидуальности в буквальном смысле (самопожертвование могло означать реальное самоубийство). “Новая человеческая единица” растворялась в “нуле” бесконечной массы (дорогого человеку, но безликого коллектива), что подтверждало “математическое уравнение Маяковского”: “единица – вздор, единица – ноль”. “Самоумаление” предрекало растворение в целом неразличимом сообществе личностей как безликих атомов, невозможную утрату индивидуальности. Можно вспомнить в этой связи высказывание из произведения того же времени (впервые изданного в 1930 г.) “Восстание масс”: “Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как и все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью” [Ортега-и-Гассет 1991, 310].

“Индивидуалистический” манифест Пастернака подразумевал, что интимное, близкое, родное – в его поэтике (в отмеченном случае “астмы”) это болезнь – проникает в структуру мира, словно раскрывая отчужденный атом и втягивая в него глубокий горячий мир детства, дома, сокровенные глубины человеческого существа. По поводу его строки из стихотворения “Марбург”: “Каждая малость / Жила и не ставя меня ни во что, / В прощальном значении своем поднималась” Вяч.Вс. Иванов отмечает: “Я рискну высказать предположение, что в данном контексте у Пастернака в “Марбурге” слово служит разговорным и поэтиче-

ским эквивалентом термина “бесконечно малая (величина)”. Именно благодаря тому, что Пастернак занимался Лейбницем, он не мог не знать о ранней работе Когена, где тот говорит о “методе бесконечно малых величин”. По Когену сфера применения этого принципа совсем не ограничена математическим анализом, речь идет о черте человеческого восприятия вообще” [Иванов 2009, 131–132]. В будущем, уже в 1950-е гг. его стихи “...растворенье / нас самих во всех других как бы им в даренье”, – означали выход глубинного индивидуального “монадного” мира вовне в согласии с христианскими представлениями.

“С астмой в каждом атоме” – в этой строке (с удивительными “оболочками созвучий”: “астмо” – “аждо” – “атом”) есть указание на “домашние” космо-монады Пастернака. А рядом социально-поэтическая арифметика Маяковского в его стремлении “слиться с массой”. Здесь обозначены различные способы соотношения себя с обществом и миром: разрыв, отсылающий к обособлению “индивидуальной монады”, и слияние “человеческих атомов”. Можно отметить примеры из стихов Пастернака: его известный цикл “Разрыв”, строка “об астме” (отметим, что в книге “Сестра моя – жизнь” есть и стихотворение “Распад”). Книга “Второе рождение” (напоминающее названием одну из строк “Марбурга”) являет собой некий переломный момент в жизни поэта. В дальнейшем тенденция к вырыванию из “плавного течения жизни” соседствовала с тенденцией устремления к другим людям. “И манит страсть к разрывам”; “И надо оставлять пробелы / В судьбе, а не среди бумаг”.

В наше время, особенно в последние годы, обращают на себя внимание некоторые схожие дихотомии непрерывное – дискретное. Интересно проследить их связь с образами современной математики и физики, новыми технологическими и социальными возможностями, которые непосредственно затрагивают коммуникацию, связь между людьми. В интенциях некоторых поэтов и художников прослеживается стремление к дальнейшему по сравнению с опытом начала XX в. раскрытию, расширению замкнутой внутренней формы, разворачиванию внутреннего пространства изображения. В метафизическом смысле допустимо говорить о том, что физика и поэзия, каждая по-своему, подводят к проблематике, которую можно, пытаясь обозначить новое сложное понятие, назвать “монадо-атомистикой”.

Интересно проследить, как утверждение реальности атомов и других дискретных элементов физического мира влияло на понимание метафизических основ дискретности при соотношении с классической трактовкой понятия монады. Отметим некоторые работы, значимые в этом смысле, и прежде всего представления Жюль Делёза. В своих лекциях он чрезвычайно подробно останавливается на трактовке лейбницевской монады:

...монада никогда не бывает воплощена по простой причине: дело в том, что монада самодостаточна, без окон и дверей. Когда ради быстроты продвижения мы говорим, что у монады есть тело, это значит, что в области монад нечто соотносится с такой-то монадой... [Делёз 2015, 345].

Вот как его взгляды комментирует лингвист и семиотик В. Фещенко:

Жюль Делёз, посвятивший Лейбницу отдельную книгу (“Складка: Лейбниц и барокко”), отмечает, что вместе со статусом объекта меняется и статус субъекта – наблюдателя, деятеля, творца и т.д. Из стороннего и абстрагирующего наблюдателя он превращается в точку зрения, или в то, что Г. Лейбниц назвал монадой. Каждая монада выражает собой весь мир, писал Г. Лейбниц. Каждая точка зрения выражает собой более ясным образом небольшой регион мира, конечную последовательность, или серию, пишет Делёз. Каждый индивид постигает или включает в себя эту серию сообразно своему, отличающемуся от других, порядку, или “кварталу” [Фещенко 2006, 120–121].

Нам представляется, что сейчас в области поэтического выражения (и не только) вопрос о “приоткрытии монады” может быть поставлен по-новому.

Отметим в этой связи и дифференциальный подход к семиотике Ю. Кристевой. Она строит некоторую модель процесса, порождающего знак, внутри самого знака, выделяя в поэтическом тексте два уровня означивания: генотекста и фонотекста. Фонотекст – это зафиксированная средствами языка знаковая система, генотекст – глубинный уровень текста, его “бесконечное означающее”. Можно говорить о текстовом значении как исчисляющем,

тогда актуализирующий его графический или звуковой элемент, с помощью которого записывается исчисляющая бесконечность, следует назвать “*означивающим дифференциалом*”; см.: [Кристева 2004, 294–311]. Зона действия дифференциала простирается от слова-знака до бесконечно-протяженного означающего. Кристева ссылается в основном на авангардных авторов, например, Соллерса. “Формульные операции, введенные Малларме, Лотреамоном и Арто, произвели в языке революцию, подобную той, что совершилась в результате внедрения новых типов нотации – мнимых, иррациональных и т.п. чисел – в сфере символического” [Там же, 301].

С точки зрения развития поэтических воззрений “на природу вещей” важную роль могли бы сыграть новые модели монады. Известно внимание к понятиям монадологии в поэтике Парщикова и других близких ему авторов поэтической школы метареализма, см.: [Аристов 2014].

В связи с этим хотелось бы обратиться к первоисточнику и процитировать “Монадологию”, которая не только явными смыслами, но и поэтическими образами соотносится с аспектами обсуждаемых проблем. Лейбниц, вообще говоря, отвергавший атомистические идеи, говорит, по сути, о неких удивительных незримых “атомах” (или “монадах”?), которые определяют глубинное строение мира:

И хотя земля и воздух, находящиеся между растениями в саду, или вода – между рыбами в пруду не есть растение или рыба, но они все-таки опять заключают в себе рыб и растения, хотя в большинстве случаев последние бывают так малы, что неуловимы для наших восприятий. Таким образом, во вселенной нет ничего невозделанного или бесплодного: нет смерти, нет хаоса, нет беспорядочного смешения, разве что по видимости [Лейбниц 1982, 425].

Но Лейбниц утверждал, что монада не имеет окон и отражает мир. Зададимся вопросом (который по-своему обсуждал и Н.В. Бугаев): можно ли представить и создать новые монады с открытыми окнами? При этом мир не должен разрушиться, и монада не должна потерять свою уникальность, более того, при выходе за свои пределы и в соединении с другими эта уникальность (но не отсоединенность) должна усилиться. Можно прокламировать отказ от “предустановленной гармонии” в попытке найти ее в соединении новых единиц мира. Центральными здесь видятся представления о новой тождественности, а не только подобии. Введенное нами понятие “*Idem-forma*” (см., например: [Аристов 2011]) является неким общим принципом миропонимания, поскольку признает недостаточность понятия равенства между людьми для их нынешнего совместного существования (система взаимно-открытых монад может служить некоторой “наглядной моделью”). Такое понятие стремится передать “тождество в несходном”, тождественность (*Idem*) в смысле самого нерушимого существования различных элементов мира, при этом уникальность каждого сохраняется и может даже “возрастать” при взаимодействии элементов. *Idem-forma* пытается предложить и новый метод исследования различных явлений, в частности, при сопоставлении литературных произведений, опробованный на многочисленных примерах литературных сопоставлений. Рассмотрение современных физических проблем, которые требуют принципиально новых подходов в вопросах “монадо-атомистики”, повлекло бы за собой необходимость обсуждения модели дискретного реляционного статистического пространства-времени, что выходит за рамки настоящей работы. Подчеркнем: понятие “*Idem-forma*” способно определить поэтические смыслы новой открытости. Образ “монады с открытыми окнами”, взаимодействующей по-новому с макрокосмом, представляется нам продолжением и развитием некоторых современных метафор. Отметим “метаметафору” Константина Кедрова, указывающего, что это “метафора, где каждая вещь – вселенная” [Кедров 1984, 91], а также “метаболу” Михаила Эпштейна, подчеркивающего интенсивность взаимодействия с внешней средой, новую степень сложных превращений в такой метафоре: “Метабола – это образ, не делимый надвое, на прямое и переносное значение, на описанный предмет и привлеченное подобие, это образ двоящейся и вместе с тем единой реальности” [Эпштейн 1988, 167].

М. Эпштейн ввел также понятие “континуальности” для определения свойств поэтик некоторых современных стихотворцев, в частности, для произведений Аркадия Драгомощенко (и моих опытов). В такой системе изображения реальность предстает “без разрывов”, но это не противоречит новой модели монады со множеством связей с другими (см.: [Аристов 2013], где обсуждаются некоторые черты поэтики Драгомощенко). Непрерывность выступает как основа изначального целостного миропонимания, но затем через слова происходит вычленение элементов, которые являются наделенными первичным представлением о полноте мира. Они как некие стихотворные монады – элементы поэтической субстанции – сохраняют след целого, но ищут и новые связи, раскрываясь по-разному друг в друга. В описании “континуализма” Эпштейн проводит аналогию с подходом деконструкции:

Деконструкция – методология, используемая в современной (в пост-структурализме) литературной критике для де-семантизации исследуемого текста, – соотносима с поэтическим методом. Слово помещается в контекст максимальной индетерминированности значения в его свободной ассоциативности. Оно перестает быть дискретной единицей смысла, но растягивается в неразрывную цепь, формирующую континуум со значениями всех других слов (скорее семантические волны, чем атомы) [Epstein 1999, 150].

Появление дискретных элементов из первоначальной слитности, появление значимых “изобразительных точек”, не теряющих связи с порождающей их стихией, представляется сравнительно новой для поэтики темой. В общетеоретическом плане она соотносима с широко обсуждаемой современной проблемой взаимоотношения порядок – хаос, как возможное плодотворное структурирование “хаоса”.

Обозначенная в начале нашей работы проблематика имеет не только исторический интерес. В ней, по нашему мнению, скрыты возможности постановки проблем построения моделей взаимодействия гуманитарного и естественнонаучного знания на границах семиотики и точных наук.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Белый 1994 – *Белый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994 (*Bely A.* Symbolism as a worldview. In Russian).

Белый 2002 – *Белый А.* Глоссолалия. Поэма о звуке. М.: Evidentis, 2002 (*Bely A.* Glossolalia. Poem on sound. In Russian).

Бугаев 1893 – *Бугаев Н.В.* Основные начала эволюционной монадологии // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 17 (*Bugaev N.V.* Foundations of evolutionary monadology. In Russian).

Бугаев 1905 – *Бугаев Н.В.* Математика и научно-философское мирозерцание // Математический сборник. 1905. Т. 25. № 2. С. 349–369 (*Bugaev N.V.* Mathematics and scientific-philosophical worldview. In Russian).

Делёз 2015 – *Делёз Ж.* Лекции о Лейбнице. 1980. 1986/87. М.: Ad Marginem, 2015 (*Deleuze G.* Leibniz 1980. 1986/87. Russian Translation 2015).

Лейбниц 1982 – *Лейбниц Г.* Монадология / Лейбниц Г. Собр. соч. В 4 т. М.: Мысль. 1982. Т.1 (*Leibniz G.* Monadologie. Russian Translation).

Ортега-и-Гассет 1991 – *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс / Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991 (*Ortega y Gasset J.* La rebelión de las masas. Russian Translation).

Флоренский 1914 – *Флоренский П.А.* Столп и утверждение Истины. Опыт православной Теодицеи. М., 1914 (*Florensky P.A.* The Pillar and ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy. In Russian).

Хлебников 1986 – *Хлебников В.* Творения. М.: Советский писатель, 1986 (*Khlebnikov V.* Creations. In Russian).

Ссылки – References in Russian

Аристов 2008 – *Аристов В.В.* “Доски судьбы” как порождающая модель в поиске “чи-сло-ва” / “Доски судьбы” Велимира Хлебникова. Текст и контексты. М.: Три квадрата. 2008. С. 342–358.

Аристов 2011 – *Аристов В.В.* Метареализм, Idem-forma и традиции русского авангарда / Научные концепции XX века и русское авангардное искусство. Под ред. К. Ичин. Белград: Издательство Белградского университета, 2011. С. 392–402.

Аристов 2013 – *Аристов В.В.* “Чтение – не обладание, но просачивание” (попытка встречного движения в стихи АТД) // Новое литературное обозрение. 2013. № 121. С. 247–252.

Аристов 2014 – *Аристов В.В.* Вход в Лейбницеvu мельницу (о поэзии Алексея Парщикова) // Новое литературное обозрение. 2014. № 126. С. 269–273.

Иванов 1978 – *Иванов Вяч.Вс.* Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978.

Иванов 2009 – *Иванов Вяч.Вс.* “Марбург” Пастернака и марбургская философская школа / “Марбург” Бориса Пастернака. Темы и вариации. М.: РГГУ, 2009. С. 127–141.

Иванов 2015 – *Иванов Вяч.Вс.* К истории монадологии как учения о прерывных единствах. Участники дискуссии: В.В. Аристов, В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, Н.В. Вдовиченко, А.И. Кобзев, В.Г. Лысенко // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 99–124.

Кедров 1984 – *Кедров К.А.* Метаметафора Алексея Парщикова // Литературная учеба. 1984. № 1. С. 90–91.

Кобзев 2011 – *Кобзев А.И.* Китай и атомизм // Историко-философский ежегодник 2010. М.: Наука, 2011. С. 367–394.

Кристева 2004 – *Кристева Ю.* Σημιωτική. Исследования по семанализу / *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004.

Лысенко 1998 – *Лысенко В.Г.* Дискретное и континуальное в истории индийской мысли: лингвистическая традиция и вайшешика: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. М.: ИФ РАН, 1998.

Лысенко 2011 – *Лысенко В.Г.* Происхождение атомизма: лингвистическая гипотеза / Шабдапракаша. Зографский сборник. Выпуск 1. Под ред. Я.В. Василькова и С.В. Пахомова. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 99–112.

Половинкин 2005 – *Половинкин С.М.* Монадология Лейбница и Н.В. Бугаева: сходство и различие // София. Альманах. Вып. 1. Уфа, 2005. С. 183–192.

Фещенко 2006 – *Фещенко В.В.* Автороетика как опыт и метод / Семиотика и авангард: антология. Ред. Ю.С. Степанов и др. М.: Академический проект, 2006. С. 119–122.

Эпштейн 1988 – *Эпштейн М.Н.* Парадоксы новизны. М.: Советский писатель. 1988.

References

Aristov V.V. “Desks of the fate” as a generative model in search for “chi-slo-vo” / “Doski sud’by” by Velimir Khlebnikov. Texts and contexts. Moscow: Tri kvadrata, 2008. P. 342–358 (in Russian).

Aristov V.V. Metarealism, Idem-forma and traditions of Russian Avant-garde / XXth-century Scientific concepts and the art of Russian Avant-garde. K. Ichin (ed.). Belgrade: University of Belgrade, 2011. P. 392–402 (in Russian).

Aristov V.V. “Reading is not possessing but filtrating” (an attempt at moving towards ATD’s poetry) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 121. P. 247–252 (in Russian).

Aristov V.V. Entrance into Leibniz’s mill (on the poetry by Alexei Parshchikov) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 126. P. 269–273 (in Russian).

Epstein M.N. Paradoxes of novelty. Moscow: Sovetskii pisatel’, 1988 (in Russian).

Epstein 1999 – *Epstein M.* A Catalog of the New Poetries / Russian Postmodernism: New Perspectives on Post-Soviet Culture. New York, Oxford: Berghahn Books, 1999. P. 145–151.

Feshchenko V.V. Autopoetics as experience and method / Yu.S. Stepanov et al. (eds.). Semiotics and the Avant-garde: An anthology. Moscow: Akademicheskii proekt, 2006. P. 119–122. (in Russian).

Ivanov Vyach.Vs. Odd and Even. The Asymmetry of the Brain and of the Sign Systems. Moscow: Sovetskoe radio, 1978 (in Russian).

Ivanov Vyach.Vs. “Marburg” by Pasternak and the Marburg philosophical school / “Marburg” by Boris Pasternak. Themes and variations. Moscow: RGGU, 2009. P. 127–141 (in Russian).

Ivanov Vyach.Vs. On the history of monadology as a teaching about discrete unities. Participants of the discussion: V.V. Aristov, V.I. Arshinov, B.G. Budanov, N.V. Vdovichenko, A.I. Kobzev, V.G. Lysenko // Voprosy filosofii. 2015. Vol. 11. P. 99–124 (in Russian).

Kedrov K.A. Metametaphore by Aleksei Parshchikov // Literaturnaia Ucheba. 1984. № 1. P. 90–91 (in Russian).

Kobzev A.I. China and atomism / Historical-philosophical Yearbook 2010. Moscow: Nauka, 2011. P. 367–394 (in Russian).

Kristeva J. Σημειωτική. Recherches pour une sémanalyse. Paris: Seuil, 1969 (Russian Translation 2004).

Lysenko V.G. Continuity and Discontinuity in Indian Thought: Vaisheshika and Grammatical Philosophy. The Abstract of the thesis... doc. hab degree in Philosophy. Moscow: Institute of Philosophy of RAS, 1998 (in Russian).

Lysenko V.G. On the origins of atomism: a linguistic hypothesis / Vasil'kov Ya.V. and Pahomov S.V. (eds.). Shabdaprakasha. Zograph's Collective Essays. Vol. 1. Saint- Petersburg: MAE of RAS, 2011. P. 99–112 (in Russian).

Lysenko, Kobzev 2014 – *Lysenko V., Kobzev A.* Was there a Chinese Form of Atomism: the Vaiśeṣika Atomistic Text in the Chinese Philosophical Tradition / Open pages in South Asian Studies. International Workshop. Ed. Joe Pellegrino. Moscow: South Asian Association, RSUH, 2014. P. 63–76.

Polovinkin S.M. Monadology of Leibniz and monadology of N.V. Bugaev: similarity and difference // Sophia Almanac. Vol. 1. Ufa, 2005. P. 183–192.

Примечание

¹ Нам уже приходилось упоминать в статье [Аристов 2008] о сложной структуре его монадоподобного “числова” (отмечалась и некоторая противоречивость его “буквоупотребления”, ибо “творяне” приходят на смену “дворянам”, – здесь буква “т” в противовес “д” с позитивными свойствами, но в дальнейшем в “Досках судьбы” он полностью отдает предпочтение “д” (“двойка”) перед “т” (“тройка”), ср. слова “Доска” и “Тоска”).